

Книга за Книгоу

ВЕРА ИНБЕР

СТИХИ

Детиз. 1947

В Е Р А И Н Б Е Р

С Т И Х И

ИЗБРАННОЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Рисунки В. Горяева

*Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1947 Ленинград*

В М. ИНБЕР

Вера Михайловна Инбер родилась в 1890 году в Одессе. Начала писать стихи очень рано, еще на школьной скамье.

В 1912 году вышла в свет ее первая книга стихов.

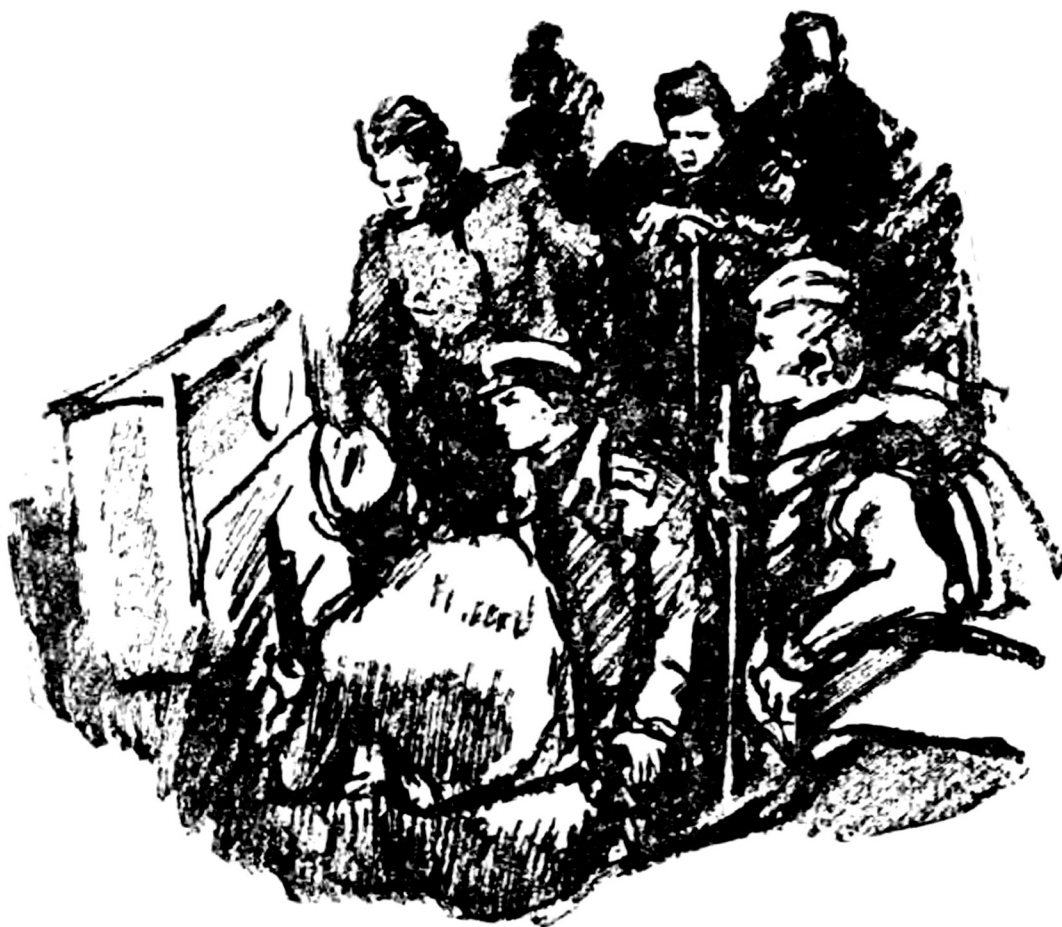
С этого времени Вера Инбер становится профессиональной писательницей: она пишет стихи, прозу, занимается журналистикой.

С 1922 года писательница поселяется в Москве, но много ездит по Союзу и зарубежным странам. Все это нашло отражение в ее книгах.

В 1939 году Вера Инбер была награждена орденом «Знак Почета».

Во время Великой Отечественной войны Вера Инбер была в Ленинграде, где много работала. Наиболее значительные произведения этого периода — поэма «Пулковский меридиан» и книга «Ленинградский дневник», за которые писательнице присуждена Сталинская премия.

В этом выпуске серии «Книга за книгой» собраны стихи Веры Инбер разных лет. Заключает книжку поэма «Домой, домой!», получившая премию по конкурсу на лучшую художественную книгу для детей.

ГОВОРIT СТАЛИН

(Из поэмы «Пулковский меридиан»)

Мороз, мороз!.. Великий русский холод,
Испытанный уже союзник наш.
Врагов он жалит, как железный овод,
Он косит их, прессует, как фураж.
И по телам заснувших мертвым сном
Он катит дальше в танке ледяном.

Ни шороха, ни звука, ни движенья.
Не покидает свой высокий пост
Луна, чье кольцевое окруженье
Истаивает под напором звезд.
И вдруг раскат. И ожил горизонт...
Товарищи, здесь Ленинградский фронт!

Вчерашний день мы провели в лесу,
На наших дальнобойных батареях.
И я его забуду не скорее,
Чем собственное имя. Пронесу
Его в глубинах сердца. Никогда
Туда не проникают холода.

С первоначальной силой излученья
Там в вечном сохраняются тепле
Сокровища. Луч солнечный в Кремле.
На ордене, в минуту получения,
Звук голоса, который из Москвы
Мы слушали на берегах Невы.

В безмолвии мы слушали его.
Сигнал тревоги в середине фразы
Из тишины не вывел никого.
Над городом шел бой. Потом на базы
(Мы поняли) вернулись «ястребки»,
Но наши мысли были далеки.

Речь продолжалась. И такая в ней
Уверенность была, такая сила,
Что эта ночь, которая гасила
Тревогами созвездия огней,
От сталинского голоса редела.
«Мы победим, — сказал он, — наше дело

Есть дело правое». Был напоен
Овациями воздух. Будто стая
Крылатых, красных с золотом знамен
Над нами бушевала, пролетая.
Казалось нам, что где-то высоко
Победный пурпур плещет о древко.

И мы — десятки, тысячи людей
В настороженном мраке Ленинграда, —
Мы ощутили вдруг, что мы — громада,
Мы — сила. Что сияние идей,
К которым мы приобщены, бессмертно.
Пусть ночь. Пускай еще не видим черт мы

Лица Победы. Но ее венка
Лучи уже восходят перед нами.
Нас осеняет ленинское знамя,
Нас направляет Сталина рука.
Мы — будущего светлая стезя,
Мы — свет. И угасить его нельзя.

1943

ТОВАРИЩ ЛЕНИН

Он не украшен свежими цветами,
Ни флагов, ни знамен вокруг него, —
Укрытый деревянными щитами
Стоит сегодня памятник его.

Он мог бы даже показаться мрачным,
Но и сквозь деревянные щиты.
Как будто стало дерево прозрачным,
Мы видим дорогие нам черты,

И ленинских бессмертных выступлений
Знакомый жест руки, такой живой.
Что хочется сказать: «Товарищ Ленин,
Мы здесь, мы отстояли город твой».

Лавиною огня и русской стали
Враг будет и отброшен и разбит.
Мы твой великий город отстояли —
Мы сами встали перед ним, как щит.

И близится желанное событие,
Когда тебя опять со всех сторон,
Взамен глухого, темного укрытья,
Овеет полыхание знамен.

Ты будешь вновь приветствиями встречен,
Как возвратившийся издалека,
И вновь, товарищ Ленин, с краткой речью
Ты обратишься к нам с броневика.

Все захотят на площади собраться,
И все увидят жест руки живой.
И все услышат: «Слава ленинградцам
За то, что отстояли город свой!»

Январь, 1943

ПРЕКРАСНЕЙШАЯ ИЗ НАГРАД

Во дни боев, когда бойцы стояли
На огневом, на трудном рубеже,
Они произносили слово «Сталин»,
И становилось легче на душе.

Передний край или глубский тыл,
По радио последние известья —
Везде и всюду Сталин с нами был,
Страна и он всегда бывали вместе.

Его величье возросло стократ,
Он стал для нас звездою путеводной,
Он награжден любовью всенародной —
Прекраснейшей, ценнейшей из наград.

Июнь, 1945

ОН — НАШ

Есть люди-светочи. Их имена
Навек вошли в сокровищницу мира.
Их ясным пламенем озарена
Не только родина... Таков был Киров.

«Да, это так, — ответят ленинградцы, —
Но главное, Сергей Мироныч — наш!»
Он в памяти встает, как горный кряж,
Которым даже издали гордятся.

Столь многим Ленинград̄ ему обязан,
Что даже и не вспомнишь обо всем.
Он видел все своим хозяйским глазом,
И даже то, что в сердце мы несем.

Был город у него как на ладони:
Музеи, верфи, школа и завод.
За что мы ни возьмемся, что ни тронем,
Везде следы его забот.

Он ведал всем, вплоть до окраски тканей.
Металлы знал, как плавщик и кузнец.
На выступленьях юных дарований
Гордился ими, как отец.

С его улыбкой, поступью и взглядом
Он жив. И ленинградские бойцы
Порою как бы слышат голос рядом,
Им говорящий: «Молодцы!»

Как воплощенье мужества и долга
Он жив для нас. Навек сроднились мы...
Так неразрывны Сталинград и Волга,
Так Ленинград̄ немислим без Невы.

Декабрь, 1942

ТРАМВАЙ ИДЕТ НА ФРОНТ

Холодный, цвета стали,
Суровый горизонт...
Трамвай идет к заставе,
Трамвай идет на фронт.

Фанера — вместо стекол,
Но это ничего;
И граждане потоком
Вливаются в него.
Немолодой рабочий, —
Он едет на завод,
Который дни и ночи
Оружие кует.
Старушку убаюкал
Ритмичный шум колес;
Она танкисту внуку
Достала папирос.
Беседуя с сестрою
И полковым врачом,
Дружинницы — их трое —
Сидят к плечу плечом.
У пояса — граната,
У пояса — наган,
Высокий, бородатый,
Похоже, партизан, —
Пришел помыться в баньке,
Побыть с семьей своей,
Принес сынишке Саньке
Немецкий шлем-трофей —
И снова в путь-дорогу,
В дремучие снега,
Выслеживать берлогу
Треклятого врага,
Огнем своей винтовки
Вести фашистам счет...
Мелькают остановки,
Трамвай на фронт идет.
Везут домохозяйки
Нещедрый свой паек.

Грудной ребенок в байке,
Откинут уголок,
Глядит (ему все ново).
Гляди, не забывай
Крещенья боевого:
На фронт идет трамвай.
Дитя! Твоя квартира
В обломках. Ты — в бою
За обнозленье мира,
За будущность твою.

Ноябрь, 1941

ЕДИНЫЙ ПУТЬ

Можайск, Калинин, Малоярославец...
Какие это русские места!
Еще был молод Петербург-красавец..
Еще Нева была полупуста,

А там уже раздвинулись простором
Тверские и можайские леса.
А там, в Москве, уже являлась взорам
Кремлевских башен древняя краса.

Когда, внезапно перешедши Неман,
Приблизился к Москве Наполеон,
Он встречен был огнем, пожаром гнева,
Он ненавистью был испепелен.

И вот опять истории страница
Покрыта кровью подмосковных битв.
Тремя путями враг к Москве стремится,
Путем единым будет он отбит.

И этот путь — такая жажда мести,
Когда тебе и жизнь не дорога,
Когда ты сам хотел бы, с пулей вместе,
Войти летучей смертью в грудь врага,

Живую силу немцев уничтожить!
Движение их танков задержать!
Москва... Она не русской быть не может,
Как человек не может не дышать.

Ноябрь, 1941

ЦАРИЦА ПОЛЕЙ

Задолго до танка и до самолета
Ты славилась силой своей.
Ты битвы решала, пехота, пехота,
Пехота, царица полей!

Препятствия все на пути ты сметала,
Спасая Россию от бед.
С великим Петром ты была под Полтавой,
Суворову шла ты вослед.

По гирлам Дуная, болотам Стохода,
Без бродов и без переправ,
По горло в воде ты шагала, пехота,
Винтовки высоко подняв.

По горным дорогам, по зимним Карпатам,
Ты шла по колено в снегу.
Но духом никто из идущих не падал,
Никто не сказал: «Не могу».

Навстречу тебе выходили с поклоном,
Махали с балконов и крыш.
Пехота, пехота, твои батальоны
Входили в Берлин и Париж.

Хвала артиллерии и самолетам,
И пушкам и танкам хвала!
Но все они любят, пехота, пехота,
Чтоб с ними ты рядом была.

Чем больше тебя и чем ближе ты рядом,
Тем вражеский натиск слабей,
Пехота, спасительница Сталинграда,
Царица приволжских степей!

Стоишь ты на Пулковских наших высотах,
И неколебимый гранит
Священную память, пехота, пехота,
Навек о тебе сохранит.

Февраль, 1942

ПУШКИН ЖИВ

От бомбы дрогнули в огне
Стропила мирной комнатухи.
А человек стоял в окне,
А человек взывал: «Ко мне!
Тут книги у меня. Тут Пушкин!»

Ему кричали: «Выходи!»,
Но книг оставить не хотел он.
И крепко прижимал к груди
Он томик полуобгорелый.

Когда ж произошел обвал
И рухнул человек при этом,
То и тогда он прижимал
К груди создания поэта...

В больнице долго он без сил
Лежал, как мертвый, на подушке.
И первое, что он спросил,
Придя в сознание: «А Пушкин?»

И голос друга, гонимый,
Ему ответил: «Пушкин жив».

Июнь, 1943

ЭНСКАЯ ВЫСОТКА

Возле полустанка
Травы шелестят.
Гусеницы танка
Мертвые лежат.

Черную машину
Лютого врага
Насмерть сокрушила
Русская рука.

**Смелостью и смёткой
Кто тебя сберег,
Энская высотка,
Малый бугорок?**

**Пламенной любовью
Родину любя,
Кто своею кровью
Защитил тебя?**

**О тебе лишь сводка
Скажет между строк,
Энская высотка,
Малый бугорок.**

**Чуть заметный холмик...
Но зато весной
О тебе напомним
Аромат лесной.**

**О тебе кузнечик
Меж высоких трав
Простучит далече,
Точно телеграф.**

**Девушка-красотка
О тебе споет,
Энская высотка,
Малый эпизод.**

**Песнями, цветами
Век Отчизна мать
Все не перестанет
Сына вспоминать.**

Сентябрь, 1942

НА МОТИВ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

Всю-то я вселенную проехал,
Любовался блеском всех светил.
Мне и тучи были не помехой,
Мне и гром препятствий не чинил.

Молния однажды между пальцев
У меня скользнула невзначай.
И кометы, вечные скитальцы,
Мне кричали: «Здравствуй и прощай!»

Я гостил у радуги под кровом,
Подходил я к солнца рубежам.
Видел я, как в облаке пуховом
Месяц новорожденный лежал.

Из конца в конец, по звездным вехам,
Даже Млечный путь я обошел...
Всю-то я вселенную проехал,
Но второй России не нашел.

Май, 1943

МОЯ ДЕВОЧКА

Жанне

День окончен. Делать нечего.
Вечер снежно-голубой.
Хорошо уютным вечером
Нам беседовать с тобой.

Чиж долбит сердито жердочку.
Точно клетка коротка.
Кошка высунула мордочку
Из-под теплого платка.

«Завтра, значит, будет праздник?» —
«Праздник, Жанна, говорят». —
«Все равно, какая разница,
Лишь бы дали шоколад».

«Будет все, мой мальчик маленький,
Будет даже детский бал.
Знаешь: повар в старом валенке
Утром мышку увидал».

«Мама, ты всегда проказница,
Я не мальчик. Я же дочь». —
«Все равно, какая разница,
Спи, мой мальчик, скоро ночь».

1913

Поздно ночью, у подушки,
Когда все утомлены,
Вырастают маленькие ушки,
Чтобы слушать сны.

Сны бывают разные. Их много:
Снятся чудеса,
Снятся приключения, дорога,
Реки и леса.

Снятся лыжи, снеговые горки,
Солнечный газон,
Школьная тетрадь, где все пятерки, —
О, волшебный сон!

Сны текут то явственней, то глуше,
Как ручей, точь-в-точь.
И подушка, наостривши уши,
Слушает всю ночь.

Днем зато, уставши доупаду,
В жажде тишины,
Спит она — будить ее не надо, —
Спит и видит сны.

1915

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Ночь идет на мягких лапах,
Дышит, как медведь.
Мальчик создан, чтобы плакать,
Мама — чтобы петь.

Отгоню я сны плохие,
Чтобы спать могли
Мальчики мои родные,
Пальчики мой.

За окошком ветер млечный,
Лунная руда,
За окном пятиконечна
Синяя звезда.

Сын окрепнет, осмелеет,
Скажет: «Ухожу».
Красный галстучек на шею
Сыну повяжу.

Шибче барабанной дроби
Побегут года;
Приминая пыль дороги,
Лягут холода.

И прилаженную долю
Вскинет, как мешок,
Сероглазый комсомолец,
На губе пушок.

А пока, еще ни разу
Не ступив ногей,
Спи, мой мальчик сероглазый,
Зайчик дорогой...

Налепив цветные марки
Письмам на бока,
Сын мне снимки и подарки
Шлет издалика.

Заглянул в родную гавань
И уплыл опять.
Мальчик создан, чтобы плавать,
Мама — чтобы ждать.

Вновь пройдет годов немало...
Голова в снегу.
Сердце скажет: «Я устало,
Больше не могу».

Успокоится навеки.
И уже тогда
Весть помчится через реки.
Через города.

И, бледнея, как бумага,
Смутный, как печать,
Мальчик будет горько плакать,
Мама — будет спать.

А пока на самом деле
Все наоборот:
Мальчик спит в своей постели,
Мама же — поет.

И фланелевые брючки,
Первые свои,
Держат мальчишкины ручки,
Пальчики мои.

1927.

СЕТТЕР ДЖЕК

Собачье сердце устроено так:
Полюбило — значит, навек!
Был славный малый и не дурак
Ирландский сеттер Джек.

Как полагается, был он рыж,
По лапам оброс бахромой;
Коты и кошки окрестных крыш
Называли его чумой.

Клеенчатый нос рылся в траве,
Вынюхивал влажный грунт;
Уши висели, как замшевые,
И каждое весило фунт.

Касательно всяких собачьих дел
Совесть была чиста.
Хозяина Джек любил и жалел,
Что нет у него хвоста.

В первый раз на аэродром
Он пришел зимой, в снег.
Хозяин сказал: «Не теперь — потом
Полетишь и ты, Джек».

Биплан взметнул снежную пыль,
У Джека — ноги врозь:
«Если это автомобиль,
То как же оно поднялось?»

Но тут у Джека замер дух,
Хозяин взмыл над людьми.
Джек сказал: «Одно из двух:
Останься или возьми!»

Но его хозяин все выше лез,
Треща, как стрекоза.
Джек смотрел, и вода небес
Заливала ему глаза.

Люди, не заботясь о псе,
Возились у машин.
Джек думал: «Зачем все,
Если нужен один?»

Прошло бесконечно много лет
(По часам — пятнадцать минут),
Сел в снег летучий предмет.
Хозяин был снова тут...

Пришли весною. Воздушный причал
Был бессолнечно-сер.
Хозяин надел шлем и сказал:
«Сядьте и вы, сэр!»

Джек вздохнул, почесал бок,
Сел, облизнулся и — в путь!
Взглянул вниз и больше не смог —
Такая напала жуть.

«Земля бежит от меня так,
Будто я ее съем.
Люди — не крупнее собак,
А собак не видно совсем».

Хозяин смеется. Джек смущен
И думает: «Я — свинья.
Если это может он,
Значит, могу и я».

После чего спокойнее стал
И, повизгивая слегка,
Только судорожно зевал
И лаял на облака.

Солнце, скрытое до сих пор,
Согрело одно крыло.
Но почему задохнулся мотор?
Но что произошло?

Но почему земля опять
Стала так близка?
Но почему начала дрожать
Кожаная рука?

Ветер свистел, выл, сек
По полным слез глазам.
Хозяин крикнул: «Прыгай, Джек,
Потому что... ты видишь сам...»

Но Джек, припав к нему головой
И сам дрожа весь,
Успел сказать: «Господин мой,
Я останусь здесь».

На земле уже полумертвый нос
Положил на труп Джек.
И люди сказали: «Был пес,
А умер, как человек».

1925

ТАК И НАДО!

Десять градусов мороза,
Снег в лесу голубоват.
Солнце, алое как роза,
Покатилось на закат.
Хороша погода! Ну-ка
Выйду, погляжу на внука —
То-то счастлив он и рад!
Шапочка на нем с помпоном,
Рядом с ним собака Рекс.

Нынче он у нас в зеленом,
Весь — от шапочки до пьекс.
Он, как маленькая елка,
Вырастает на снегу,
И каштановая чолка
Серебрится на бегу.
Добежал до склона. Вижу:
Потерял одну он лыжу
И другую. Вот так стыд!
Внук мой кубарем летит!
«Что такое? Что случилось?»
Он себе коленку трет,
Говорит: «Не получилось» —
И торопится вперед.
Я в ответ ему ни слова;
А у нас такой закон:
Раз не вышло, надо снова.
Уж и так и эдак он
Все юлил А я молчала,
Любовалась на зарю.
Вижу: начал все сначала.
«Так и надо!» говорю.
1940

СОРОКОНОЖКИ

У Сороконожки
Народились крошки.
Что за восхищенье,
Радость без конца!

Дети эти — прямо
Вылитая мама:
То же выраженья
Милого лица.

И стоит пригожий
Дом сороконожий,
Сушатся пеленки,
Жарится пирог.

И стоят в порядке
Тридцать три кровати:
В каждой по ребенку,
В каждой сорок ног.

Папа с ними в дружбе.
Целый день на службе.
А когда вернется
В теплый уголок —

Все играют в прятки,
В куклы и лошадки.
Весело смеется
Сам Сороконог.

Все растет на свете —
Выросли и дети.
Носится орава
С самого утра

Мать Сороконожка,
Погрустив немножко,
Говорит: «Пора вам
В школу, детвора».

Но ходить по школам
Невозможно голым;
Согласился с этим
Папа: «Ну и что ж?»

Мама же сказала:
«Сосчитай сначала,
Сколько нашим детям
Надобно калош».

Для такой работы
Папа вынул счеты.
«Тише, дети, тише!»
Папа снял сюртук.

«Если каждой ножке
Нужно по калошке,
То для всех детишек
Сколько ж это штук?»

Трижды срок восемь,
Девять переносим —
Это будет двести,
Да один в уме...»

Захирела печка,
Догорела свечка...
Папа с мамой вместе
Счет ведут во тьме.

А когда же солнце
Глянуло в оконце —
Захотелось чаю,
Но сказала мать:

«Слишком много ножек
У сороконожек.
Я изнемогаю!»
И пошла гулять.

Видит, в луже тихо
Дремлет Анстиха,
Рядом — аистенок
На одной ноге.

Мать сказала плача:
«Аистам удача —
Вст какой ребенок
Нужен был бы мне!

Слишком много ножек
У сороконожек.
Ноги — это гадость,
Если много ног.

Аист — он хороший,
Он одной калошей,
Мамочке на радость,
Обойтись бы мог».

1926

СДАЕТСЯ КВАРТИРА

Однажды дала объявление
Улитка:
«Сдается квартира с отдельной
Калиткой.

Покой, тишина. Огорсд
И гараж.
Вода. Освещение.
Первый этаж».
Едва псявилось в лесу
Объявленье,
Тотчас же вокруг началось
Оживленье.
Откликнулись многие:
С вышки своей
В рабочем костюме сошел
Муравей.
Нарядная, в перьях, явилась
Кукушка.
Амфибия (это такая
Лягушка)
Пришла с головастиком
(Юркий малыш!).
Потом прилетела
Летучая мышь.
А там и съетляк —
Уже час был не ранний —
Приполз на квартирное
Это собранье
И даже гринес, чтоб не сбиться
В ночи,
Зеленую лампочку в четверть
Свечи.
Уселись в кружок. Посредине
Улитка,
И тут началась настоящая
Пытка.
Что, дескать, в комната
Только одна.

И как это так:
Почему без окна?
«И где же вода?»
Удивилась лягушка.
«А детская где же?»
Спросила кукушка.
«А где освещение? —
Вспыхнул светляк. —
Я ночью гуляю,
Мне нужен маяк».
Летучая мышь
Покачала головкой:
«Мне нужен чердак,
На земле мне неловко». —
«Нам нужен подвал, —
Возразил муравей, —
Подвал или погреб
С десятком дверей».

И каждый, вернувшись
В родное жилище,
Подумал: «Второго такого
Не сыщешь!»
И даже улитка —
Ей стало свежо —
Воскликнула:
«Как у меня хорошо!»

И только кукушка,
Бездомная птица,
Попрежнему в гнезда чужие
Стучится.

Она постучит и к тебе,
В твою дверь:
Нужна, мол, квартира!
Но ты ей не верь.

1940

ТОВАРИЩ ВИНОГРАД

У апельсина кожура
Красней гусиных лап.
На родине была жара,
А нынче он озяб.
Такой тут ветер ледяной,
Что стынут даже сосны,
А он, подумайте, в одной
Обертке папиросной!
Впервые снежных звездочек
Он увидал полет.
Промерз до самых косточек
И превратился в лед.
Покрыт пупырышками весь
Бедняга апельсин.
Он люто замерзает здесь,
Да и не он один.
Вот персик. Он тепло одет,
На нем пушистый ворс,
На нем фланелевый жилет,
И все же он замерз.
А золотистый виноград,
Приехав ночью в Ленинград,

Увидел утром Летний сад —
И кинулся к нему.
Он видел — статуи стоят,
И думал: «Я — в Крыму.
Пройдет еще немного дней,
Загар покроет их».
Раздетых мраморных людей
Он принял за живых.
Но скоро бедный южный гость
Лежал в опилках, весь дрожа.
А холод резал без ножа,
Терзал за гроздью гроздь.

Но в эту же погоду,
На этом же лотке
Антоновские яблоки
Лежали налегке.
Их обнаженной коже
Морозец не мешал.
И было непохоже,
Что кто-нибудь дрожал.
И самое большое
И крепкое из всех
Сказало апельсинам
И винограду: «Эх!
Укрыть бы вас покрепче
От наших снегов,
Да ведь не напасешься
На вас пуховиков.
Но вот что я скажу вам,
Товарищ Виноград:
На свете жил ученый,
И у него был сад.

Там изучал замашки он
Фисташки и айвы.
Там, главное, заботился
Он о таких, как вы.
Чтоб вы росли и зрели
Под ветром ледяным,
Чтобы суровый север
Казался вам родным,
Чтоб было вам, как яблокам,
Не страшно ничего.
Зовут его Мичуриным,
Ученого того.
Ему поставлен памятник
В Москве, мои друзья,
И там он держит яблоко
Такое же, как я...»
И в эту же минуту,
Услышав эту речь,
У апельсинов будто
Упала тяжесть с плеч.
И сразу востепенулся
И, видимо, был рад
И сладко улыбнулся
Товарищ Виноград.

1940

ПРИКЛЮЧЕНИЯ СОСУЛЬКИ

До того как стать сосулькой
За твоим окном,
Я лежала, точно в люльке,
В облаке одном.

И, представь себе, была я
Дождевой водой.
Я видала Гималаи
И Памир седой.
Со слезами я прощалась
С облаком родным
И опять в него сгущалась
Паром водяным.
Сколько раз, когда ты бегал
По двору у вас,
Я была пушистым снегом,
Радующим глаз.
Если изморозь на травке,
Точно кисея,
Если лужица в канавке —
Это тоже я.
Возвожу я с солнцем вместе
Радуги дугу.
Оставаться я на месте
Долго не могу.
Только у меня и мысли:
Живо, не ленись!
Как ведро в коромысле,
Я то вверх, то вниз.
И теперь уже сосулькой
Быть мне невтерпеж.
Я хочу водой забулькать
У твоих калош.
Чуть оттаяла слегка я,
А мороз — как хватъ:
«Ты, сосулька, кто такая,
Чтобы оплывать?»
И скрутил меня до боли
Чуть ли не в торос.

Ты сегодня не был в школе,
Вот какой мороз.
Двадцать градусов...
И все же, хоть и белизна,
Но мороз уже встревожен —
Близится весна.
Скоро утеку я с крыши,
Каплями звеня.
До свидания! Смотри же
Узнавай меня!

1946

ОТТЕПЕЛЬ

Оттепель, оттепель. Тает... Течет.
Снежные звездочки наперечет.

Стоило южному ветру подуть —
Градусник ожил, и дрогнула ртуть.

В речке пошли подо льдом пузыри,
Начали снега искать снегири.

Глянула верба из почки тугой:
«Что это, что это? Месяц какой?»

В эту минуту слышался гул:
Северный ветер как щеки надул —

Ртуть побежала по лесенке вниз,
Снежные хлопья опять понеслись,

Встали сугробы такой белизны,
Что далеко еще нам до весны.

1946

ДОМОЙ, ДОМОЙ!..

1

Скворец-отец,
Скворчиха-мать
И молодые скворушки
Сидели как-то вечерком
И оправляли перышки.
Склонялись головы берез
Над зеркалом пруда,
Воздушный хоровод стрекоз
Был весел, как всегда.
И белка огненным хвостом
Мелькала в ельнике густом.
— А не пора ли детям спать? —
Сказал скворец жене. —

Нам надобно потолксовать
С тобой наедине. —
И самый старший из птенцов
Затеял было спор:
— Хотим и мы, в конце концов,
Послушать разговор. —
А младшие за ним: — Да, да,
Вот так всегда, вот так всегда! —
Но мать ответила на то:
— Мыть лапки — и в гнездо!

Когда утихло все кругом,
Скворец спросил жену:
— Ты слышала сегодня гром? —
Жена сказала: — Ну?
— Так знай, что это не гроза,
А что — я не пойму.
Горят зеленые леса,
Река, и та в дыму.
Взгляни, вон там, из-за ветвей,
Уже огонь и дым.
На юг, чтобы спасти детей,
Мы завтра же летим. —
Жена сказала: — Как на юг?
Они же только в школе.
Они под крыльями, мой друг,
Натрут себе мозоли.
Они летали, ну, раз пять
И только до ворот.
Я начала лишь объяснять
Им левый поворот.
Не торопи их, подожди,
Мы полетим на юг.

Когда осенние дожди
Начнут свое «тук-тук». —
И все же утром, будь что будь,
Скворец решил: — Пора! —
Махнула белка: — В добрый путь,
Ни пуха ни пера!

2

И вот на крылышках своих
Птенцы уже в пути.
Отец подбадривает их:
— Лети, сынок, лети!
И ничего, что ветер крут,
И море не беда:
Оно — как наш знакомый пруд.
Такая же вода.
Смелее, дочка, шире грудь!
— Ах, папа, нам бы отдохнуть! —
Вмешалась мать:
— Не плачьте,
Мы отдохнем на мачте.
Снижайтесь. Левый поворот!
Как раз под нами пароход,
Его я узнаю. —
Но это был военный бот,
Он вел огонь в бою.
Он бил по вражеским судам
Без отдыха и сна,
За ним бурлила по пятам
Горячая волна.

— Горю, спасайте же меня! —
Вскричал один птенец.
Его лизнул язык огня,
И это был конец.
— Мой мальчик! — зарыдала мать.
— Мой сын! — шепнул отец.
И снова лётное звено
В разрывах огневых
Летит, утратив одного,
Спасая остальных.

3

И наконец навстречу им
Раскинулся дугой
За побережьем золотым
Оазис голубой.
Туда слетелись птицы
Со всех концов земли:
Французские синицы,
Бельгийские щеглы,
Норвежские гагары,
Голландские нырки.
Трещат сорочьи пары,
Воркуют голубки.

Успели отдышаться
От пушек и бойниц.
Глядят не наглядятся
На здешних райских птиц.
Одна, с жемчужным хохолком,
На розовой ноге,

Вся отразилась целиком
В лазоревой воде.
Другая в воздухе парит,
Готовая нырнуть,
И чистым золотом горит
Оранжевая грудь.
А третья, легкая, как пух,
И синяя, как ночь,
Передразнила этих двух
И улетела прочь.
Плоды, их пряный аромат,
Обилие сластей —
Все это настоящий клад
Для северных гостей.
Но с каждым днем все тише
Их щебет, все слабей.
По черепичной крыше
Тоскует воробей.
Исплакалась сорока,
Что ей не вмоготу,
Что ветер тут — сирокко —
Разводит духоту.
Ей зимородок вторит:
— Я к зною не привык.
И до чего же горек
Мне сахарный тростник! —
А ласточки-касатки
Летают без посадки,
Все ищут целый день
Колодец и плетень.
И стал благословенный юг
Казаться всем тюрьмой.
Все чаще слышалось вокруг:
— Хотим домой, домой!

— Домой, всем хищникам на зло! —
Журавль провозгласил —
Кто «за» — прошу поднять крыло. —
И, точно ветром их взмело,
Взлетели согни крыл.

4

И в сторону родных границ,
Дорогою прямой,
Под облаками туча птиц
Легла на курс — домой.
А подмосковные скворцы,
Знакомая семья,
Какие стали молодцы
И дочь и сыновья!
Как им легко одолевать
И ветер и мокреть.
Как чтут они отца и мать,
Успевших постареть.
— Гляди-ка, мама, вон корабль,
И папа отдохнет.
— Вниманье! — приказал журавль. —
Разведчики, вперед! —
И донесли кукушки,
Что весел рулевой
И что чехлами пушки
Укрыты с головой.
Противник незаметен,
Повсюду тишина.
И, видимо, на свете
Окончилась война.

И начали садиться
На плотные чехлы
Французские синицы,
Бельгийские щеглы.
Счастливых щебетаний
И возгласов не счесть.
Щебечут на прощанье
Друг другу обещанье:
— Напишем. Перья есть!

И разлетелся птичий хор
По множеству дорог.
Но долго боевой линкор
Забуть его не мог.
Все слушал, напрягая слух,
Глядел на облака,
И все садился легкий пух
На куртку моряка.

5

Еще стояли холода
Во всей своей красе.
Еще белели провода
Можайского шоссе.

Один подснежник-новичок
Задумал было встать,
Уже приподнял колпачок
И спрятался опять.

В мохнатом инее седом
Столетняя сосна.

И все же где-то подо льдом
Уже журчит весна.
С деревьев белые чепцы
Вот-вот уже спадут.
— Мы дома, — говорят скворцы, —
Мы не замерзнем тут! —
Летят над зеркалом пруда,
Где отражен рассвет.
А вдруг скворешня занята?
А вдруг скворешни нет?
Но белка голубым хвостом
Махнула в ельнике густом:
— Привет, друзья, привет!
Как долетели? Как дела?
Я вам квартиру сберегла,
Я там ремонт произвела,
Живите в ней сто лет...

Умывшись с головы до ног,
Уселись старики-скворцы
В скворешне на порог.
Сказали: — Мы уж не певцы,
А ты вот спой, сынок. —
Еще застенчивый, юнец
Сначала все робел,
Насвистывал. И наконец,
Настроившись, запел.
О том, какие бы пути
Куда бы ни вели,
Но в целом свете не найти
Милей родной земли.
Он разливался ручейком,
Как будто был апрель,

Как будто маленьким смычком
Выделявая трель.
Она из глубины души
Легко лилась в эфир.
Как эти песни хороши
И как прекрасен мир!

1945

СОДЕРЖАНИЕ

Говорит Сталин	3
Товарищ Ленин	5
Прекраснейшая из наград	7
Он — наш	—
Трамвай идет на фронт	8
Единый путь	11
Царица полей	12
Пушкин жив	13
Энская высотка	14
На мотив народной песни	16
Моя девочка	17
«Поздно ночью, у подушки...»	18
Колыбельная	19
Сеттер Джек	22
Так и надо!	25
Сороконожки	26
Сдается квартира	29
Товарищ Виноград	32
Приключения сосульки	34
Оттепель	36
Домой, домой!..	37

**Для среднего и старшего
возраста**

**Ответственный редактор К. Пискунов.
Художественный редактор С. Садо́мская.
Технический редактор В. Артамонов.
Корректоры Е. Балабан и Р. Лишина.**

**Подписано к печати 2/XII 1946 г. 1½ п. л.
(2 уч.-изд. л.). Тираж 75 000 экз. А13306.
Заказ № 2905. Цена 1 руб.**

**Фабрика детской книги Детгиза. Москва,
Суше́вский вал, 49.**

Цена 1 руб.

**БИБЛИОТЕЧКА ДЛЯ ДЕТЕЙ
СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА**

на 1946 год:

- В. Маяковский** — Владимир Ильич Ленин.
Э. Багрицкий — Дума про Опанаса.
П. Бажов — Голубая змейка.
А. Гайдар — Пусть светит.
С. Голубов — Дядя Ипат и Чайка.
В. Гроссман — Сын комиссара.
Б. Житков — Дяденька.
В. Инбер — Стихи.
Л. Кассиль — Огнеопасный груз.
В. Катаев — Флаг.
С. Ковпак — В Кремле.
А. Кожевников — У Каменной Гривы.
М. Пришвин — Дедушкин валенок.
А. Сурков — Песня смелых.
Р. Фраерман — Подвиг в майскую ночь

и другие произведения
советских писателей.